

Т. И. Ковалева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Рассказ о видении св. Кирилла Белозерского
в памятниках севернорусской агиографии:
Жития Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского**

Аннотация. Автор сопоставляет сюжетные ситуации *уход в пустынь* в двух древнерусских Житиях, выявляет приемы, использованные при построении сюжетов памятников, и определяет роль схожего фрагмента в этих текстах.

The article compares narrative elements of *religious retreat* in two Old Russian Lives, clears up the methods used by the authors in constructing the plots of the writings, and determines the role of the similar fragments in these texts.

Ключевые слова: древнерусская литература, поэтика, агиография, литературный источник, сюжетная ситуация.

Old Russian literature, poetics, hagiography, literary source, narrative element.

УДК 821.161.1

Контактная информация: ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090; +7 (383) 330 47 72; tkvl@inbox.ru

Житие Кирилла Белозерского, составленное Пахомием Сербом, посвящено святому, главный подвиг которого – основание знаменитой Белозерской обители. Это событие произошло, благодаря видению св. Кирилла, описанному в рассказе «О явлении Пречистыя Богородица» [Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартириан Белозерские, 1994, с. 72–74]. Одним из важнейших принципов, согласно которым создавались средневековые сочинения, является воспроизведение топосов («общих мест»), рассматриваемый нами рассказ о видении является показательным в этом отношении примером. Повествование о «явлении» читается с некоторыми смысловыми преобразованиями в житиях других основателей монастырей [Рыжова, 2008, с. 425–427]: Ферапонта Белозерского [Ковалева, 2009], Александра Свирского [Яхонтов, 1881, с. 45–46, 345–346], Ефрема Перекомского [Федотова, 2001, с. 155, 172], Кирилла Новоезерского [Карбасова, 2003, с. 12] и Филиппа Ирапского [Крушельницкая, 1996, с. 182–183]. В связи с этим возникает вопрос о принципах построения сюжета, которые позволяют составителям Житий ввести схожее видение в повествования о разных святых.

Во всех перечисленных памятниках интересующий нас рассказ о видении связан с ситуацией ухода старцев в пустынь. Названные тексты можно разделить на две группы. К первой мы отнесем Жития Ферапонта Белозерского, Александра

Свирского и Ефрема Перекомского. В сюжетах этих повествований прослеживается схожая схема, на основе которой «прописана» данная ситуация¹. Ко второй группе отнесем Жития Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского. В их сюжетах прослеживается другой вариант схемы, на основе которой построена ситуация ухода старцев из монастыря в пустынь. На этих сочинениях будет сконцентрировано наше внимание в настоящей работе.

Исследователи отмечают компилятивный характер Житий Кирилла Новоезерского (XVI в.)² и Филиппа Ирапского (XVII в.)³. Поскольку их составителям было известно мало сведений о святых, они заимствовали этикетные формулы и ситуации из текстов и сюжетов других памятников [БЛДР, 2005, с. 788 (коммент.); Крушельницкая, 1996, с. 12].

В работе Т. Б. Карбасовой установлен ряд источников Жития Кирилла Новоезерского [2007]. Она приходит к выводу, что «Житие Кирилла Новоезерского не повторяет ни один из своих источников, хотя в модели расположения материала обнаруживает большую близость с Житием Александра Свирского, которое поэтому мы можем считать “литературным образцом” Жития Кирилла» [Там же, с. 364]. Т. Б. Карбасова выявляет ситуации, «прописанные» с использованием текста Жития Александра [Там же, с. 334–343], но эпизод, в котором описывается уход старца из монастыря и создание им собственной обители, автор Жития Кирилла составил, используя другие тексты (Жития Саввы Вишерского, Кирилла Белозерского, Зосимы Соловецкого) [Там же, с. 339]. Интересующий нас рассказ о видении святого исследовательница сопоставляет с подобными рассказами в Житиях Кирилла Белозерского и Александра Свирского и заключает, что «наличие общих чтений указывает на использование в Житии Кирилла Новоезерского труда Пахомия Логофета» (т. е. Жития Кирилла Белозерского).

Е. В. Крушельницкая выявляет «три отличающихся своим происхождением пласта повествования» в тексте Жития Филиппа Ирапского – собственно житийное повествование, эпизоды Синайского патерика, Записку инок Германа о последних днях и погребении Филиппа [1996, с. 12–18]. Если подробно рассмотреть, каким образом выстроена часть повествования, посвященная уходу Филиппа из монастыря в пустынь, то, на наш взгляд, помимо выявленных источников обнаруживается сходство этого памятника, как по сюжетной линии, так и текстуально еще и с Житием Кирилла Новоезерского. Поэтому при анализе сюжеты Жития Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского будут сопоставляться.

Рассмотрим композиции памятников и укажем место видений в них. В Житии Кирилла Новоезерского во вступительной части рассказывается об уходе святого из дома в монастырь, его жизни в нем и духовных подвигах, а также о его уходе из монастыря, чтобы поклониться святым местам. В основной части повествуется сначала о его странствиях, а затем – о поселении и жизни в пустыни, о прижизненных чудесах. Заключительная часть Жития состоит из рассказов о преставлении святого и его посмертных чудесах. Композиция Жития Филиппа выглядит несколько иначе⁴. Этот памятник имеет также три части, а его основная

---

¹ Названная сюжетная схема выявляется нами при сопоставлении повествований Житий Кирилла Белозерского, Ферапонта Белозерского, Александра Свирского (Житие Ефрема Перекомского с этой точки зрения нами для анализа не привлекалось, поскольку его текст практически полностью повторяет текст Жития Александра Свирского) и описывается в следующих статьях: [Ковалева, 2009; 2011а; 2011б].

² В работе используется текст Жития, опубликованный в издании: [БЛДР, 2005, с. 354–415]. Далее в скобках указываются страницы этого издания.

³ В работе используется текст Жития, опубликованный в издании: [Крушельницкая, 1996, с. 179–199]. Далее в скобках указываются страницы этого издания.

⁴ Подробное описание композиции памятника сделано в работе Е. В. Крушельницкой [1996, с. 11]).

часть, в свою очередь, по смыслу разбивается еще на две ⁵. Вступительная часть Жития содержит сведения о появлении святого в монастыре, его жизни в монастыре и уходе из него в пустынь. В первой половине основной части памятника излагаются события, связанные с поселением старца в пустыни и его жизнью в ней; вторая половина посвящена описанию проповеднической деятельности Филиппа (состоит из Поучений святого). Главные события, о которых говорится в заключительной части текста, – появление у Филиппа в пустыни инока Спасо-Каменного монастыря Германа, его рассказ о последних днях и погребении святого. Содержание вступительной части и первой половины основной части в Житии Филиппа формально совпадает с содержанием вступления и основной части Жития Кирилла.

В Житии Кирилла в части сюжета, где рассказывается о поселении святого в пустыни, – четыре видения, все они сосредоточены в основной части текста, а в Житии Филиппа, в этой же части сюжета, – три, два из них входят в его вступительную часть, а одно – в основную. В обоих повествованиях с помощью видений высшие силы приводят святых в пустынь и указывают им место поселения.

Проанализируем, как построены сюжеты памятников. Первые звенья сюжетных схем в Житиях Кирилла и Филиппа совпадают. В них (как и в уже рассмотренных памятниках) описывается жизнь святых в монастыре и то, каким образом они приходят к решению покинуть монастырь.

Оба святых являются воспитанниками Корнилиево-Комельского монастыря. Кирилл, стремясь к большему подвигу, хочет уйти из обители, поклониться святым местам и добраться до пустыни. Филипп хочет, укрывшись в пустыни, избежать мирской славы. Корнилий Комельский отпускает обоих иноков из монастыря и велит следовать туда, куда им Господь укажет.

В этой части сюжетов Житий Кирилла и Филиппа следует обратить внимание на текстуальное сходство (подчеркнуты общие чтения):

Житие Кирилла Новоезерского

Житие Филиппа Ирапского

Нача помышляти, еже изыти от тоя обители, и обходити вся российская земля, поклонитися всем святым местом, и достигнути пустыню, и вселитися, идеже Господь наставит. И поведает мысль свою блаженному Корнилию. Корнилий же, наказав его довольно, и поучив от Божественных Писаний, и благословив его, отпусти (с. 368).

И восхоте оттуду блаженный Филипп отгытти и достигнути тамо, идеже Господь повелит. И поведает мысль свою преподобному Корнилию. Он же, наказав его довольно от Божественных Писаний, и отпусти его с миром (с. 182).

Житие Филиппа повторяет текст, описывающий ситуацию, когда Корнилий отпускает инока в пустынь: это начало самостоятельного духовного пути святых.

Следующий ключевой момент сюжета – момент, когда главные герои Житий не могут сразу осуществить свою духовную потребность в уединении, поскольку им неизвестно, где находятся предназначенные для них Господом места спасения.

Кирилл обошел много мест, но так и не разыскал, где бы он мог поселиться. Филипп, наоборот, находится в монастыре, но не может уйти из него, поскольку также не знает, куда. Оба старца взывают в молитве к Господу и Богородице. Им явлено видение (схожее с видением из Жития Кирилла Белозерского), в котором святым указывается место, куда они должны прийти.

⁵ Е. В. Крушельницкая выделяет эти две части как две самостоятельные [1996, с. 11].

Как уже было отмечено, Т. Б. Карбасова доказывает, что текст этого рассказа о видении в Житии Кирилла Новоезерского был заимствован из Жития Кирилла Белозерского. Чтобы определить, на какой текст при составлении рассказа о видении ориентировался автор Жития Филиппа, сопоставим его сначала с рассказами о видении из Жития Кирилла Белозерского и Жития Александра Свирского (подчеркиванием обозначены схожие чтения в Житиях Александра Свирского и Филиппа Ирапского, курсивом – в Житиях Филиппа Ирапского и Кирилла Белозерского), а затем – с рассказом из Жития Кирилла Новоезерского:

**Житие
Кирилла Белозерского**

Случи же ся ему *в едину от ноций молящуся*, вечеру глубоко сушу, и Акафисто Пречистой по обычею *поюще* пред образом ея, и егда доиде места, писаннаго в иконе, «Странно рожество видяще, устранимся мира и ум на небо преложим», абие

слышит *глас глаголющъ*: «Кирилле *изыди* отсюда *и иди* на Белоезеро, тамо бо *уготовах ти место*, в немже *можеша спастися*». И абие с гласом онем свет велий явися тогда.

Отворив *же оконце келии*, видит *свет, сияющъ* к полунощным странам Белаго озера. И гласом онем, яко перстом, показаше место то, идеже и ныне монастырь стоит.

Темже *святый* Кирилл от гласа оного и *видения* радости многы исполнился. Разуме бо от самого того гласа святаго и видения, яко не презре Пречистая прошения его, и всю ночь бяше дивяся бывшему с гласом видению, и не бяше ему она ночь яко ночь, но яко день пресветлый (с. 72–74).

**Житие
Филиппа Ирапского**

Во едину же от ноци стоящу ему на молитве, *молящуся, поюще* канон Святей *Богородице* Одигитриа, нача глаголати кондак,

и в то время *глас* бысть к нему, глаголя: «Рабе мой возлюбленне! *Изыде* отселе *и иди*, аможе аз *ти* покажу *уготованное место, в немже* *возможеша спастися*».

Возре *же* святый во *оконце келии* своея и *виде* видение некое: се же на южную страну *свету сияюще*, яко зари пресветлей светло светящейся.

Святый же от *видения* того ужасеся и яко иступль вон ис келии от страха того и видения страшнаго, пребыв во ужасе велице, рече в себе: «То есть место мое, сие воля Господня да будет» (с. 182).

**Житие
Александра Свирского**

И паки же иногда в *едину* убо *нощъ* блаженный *молящеся* Богу и Пречистой его *Богоматери*: «Пречистая мати Христа Бога нашего, ты веси, яко всю мою надежду по Бозе возложих на тя, ты убо яко сама веси. Настави мя на путь, в немже возмогу спастися. И тако ему многажды молящуся. И абие же слышит *глас*, глаголющъ: «Александре, *изыди* отсюда *и иди* на прежде показанное тебе *место, в немже* *возможеша спастися*». И абие же съ гласом онем и свет велии явися тогда. Открыв *же* блаженный *оконце келии*, и видит *свет* велик, *сияющъ* к востоку и к полудни, и гласом онем, яко перстом, показаша место оно, идеже ныне монастырь всеми зрится благодатию Христовою.

Преподобный же от гласа оного и виденья радости многы исполнися, разумев бо от самого того истиннаго видения, яко не презре Господь моления его, и всю ночь бдящи и молящися дондеже время бяше утрени (с. 45–46).

Житие Кирилла Новоезерского

И на болшее подвизашеся – како ему достигнути и в кое ли место вселитися, и, став, на долг час моляшеся со слезами Всемиловитому Спасу и Пречистой его Матери, да открыет ему место в покой старости его.

И абие слышит глас с Небеси: «О, блаженне Кириле, возлюбленниче мой, уже вся благая восприял еси, моим заповедем был еси хранитель, тесный и скорбный путь прошел еси. И ныне гряди на Белоезеро, тамо убо уготовах ти место, в немже можеша спастися». И абие со гласом онем свет велий сияющ зрит к полунощным странам Белаезера, и гласом онем, яко перстом, показаше место то, идеже ныне монастырь стоит (с. 370).

Житие Филиппа Ирапского

Святыи же Филипп нача молитися Пресвятей Богородице прилежно: «Скорая помощнице! Услыши мя, грешнаго, в печале мнозей молящагося, изми от скорби обдержания». Во едину же от нощи стоящу ему на молитве, молящуся, поющу канон Святей Богородице Одигитриа, нача глаголати кондак, и в то время глас бысть к нему, глаголя: «Рабе мой возлюбленне! Изыде отселе и иди, а може аз ти покажу уготованное место, в немже возможеша спастися». Возре же святыи во оконце келии своея и виде видение некое: се же на южную страну свету сияющу, яко зари пресветлей светло светящейся. Святыи же от видения того ужасеся и яко иступль вон ис келии от страха того и видения страшнаго, пребыв во ужасе велице, рече в себе: «То есть место мое, сице воля Господня да будетъ» (с. 182).

Можно предположить, что автор Жития Филиппа, составляя свой рассказ о видении святого, помнил рассказы и из Жития Кирилла Белозерского, и из Жития Александра Свирского. В повествовании о видении Филиппа воспроизводятся обороты, заимствованные из обоих Житий (ср., например: «в едину от нощий молящуся» (Житие Кирилла Белозерского) – «во едину же от нощи... молящуся» (Житие Филиппа Ирапского); «место, в немже возможеша спастися» (Житие Филиппа Ирапского и Житие Александра Свирского)). Помимо этого, в текстах видений Кирилла и Филиппа есть схожий оборот, имеющий «антонимическое» содержание (ср.: «Темже святыи Кирил от гласа оного и видения радости многы исполнився» (Житие Кирилла Белозерского) – «Святыи же от видения того ужасеся и яко иступль вон ис келии от страха того и видения страшнаго» (Житие Филиппа Ирапского)). И менее всего, составляя рассказ о видении Филиппа, автор ориентировался на текст Жития Кирилла Новоезерского.

Продолжим анализ сюжетной организации памятников. В обоих Житиях старцы не сразу исполняют то, что им повелели высшие силы.

Кирилл после видения с радостью продолжает свой путь, приходит в Тихвинскую обитель Пречистой Богородицы и проводит в молитвах три ночи на паперти этой церкви. Филипп, находясь после видения в сильном испуге, думает, какое выбрать время, чтобы покинуть монастырь. И тут новоезерскому святому в тонком сне является Богородица, а ирапский святой во время ночного правила слышит голос. Святым повторяется уже когда-то данное им повеление, а также сообщается, что, когда они достигнут явленного им места, им будет указано, где они должны поселиться. Старцы приходят туда, куда им было показано: Кирилл – на восток Белозерья, на Новоозеро, а Филипп – на юг, на реку Андогу. Кириллу место его дальнейшего поселения (остров среди Новоозера) указывает огненный столп, Филипп поселяется в красивом месте, которое ему очень понравилось. Устав от путешествия, оба святых засыпают под деревом, Кирилл – под елью, Филипп – под сосной, им является ангел в образе мужа в белых ризах и сообщает, что именно здесь и находится уготованное для них место.

И вновь стоит обратить внимание на сходство текстов в части сюжетов, где говорится о приходе святых на богоизбранное место и видении ангела:

Житие Кирилла Новоезерского

Прииде же блаженный среде Новаезера на Красной остров, и походяше на нем, радуяся душою и трепещущи,

и обрете на восточней стране острова того древо велие, имянуемо ель, и вселися ту, под тем древом, в лето 7020-е марта в 4 день, на память преподобного отца нашего Герасима, иже на Иердани. И сотвори себе хижицу под тем древом прежереченным, елию, от того же древа ветвия угибав.

И опочинув от путнаго шествия на том Красном острове в хижнице, и явися ему аггел Господень во сне во образе мужа блага в белых ризах, и глагола ко блаженному: «Отче Кириле, обходил еси близ окиана-моря, и псковския, и новгородския страны, и в тех странах не обрете себе места покойна, ту убо уготова тебе Господь место и покой мощем твоим, на сем острове среде Новаезера». И возбнув от сна своего, и поиде по острову, и виде от хижы своя стопы человеческия, а человек сей невидим бысть (с. 370–372).

Житие Филиппа Ирапского

Доиде же града Белаезера и поиде к веси, нарицаемая пореклу зовомой Андоге, и обхождаше многия места веси тоя, и обрете место оно воскраи реки Андоги, се бо тут бор бяше прекрасен зело, и удивися, помышляя в себе: «Един уединен ко упокоению инока». Рече в себе сице: «Се покой мой, zde вселюся». И обрете древо красно, зовомо сосна,

и опочи под древом тем. Яви же ся ему во сне аггел Господень во образе мужа в белых ризах и глагола ко блаженному: «Отче Филиппе! Zде уготова тебе Господь место».

Возбнув блаженнии от сна, моляся Святеи Троице, заутра воста, поиде к наместнику веси тоя, бе бо тогда обладатель был князь Андреи Васильевич Шелешпанской (с. 182–183).

На наш взгляд, цитаты из Жития Кирилла Новоезерского, которые используются в Житии Филиппа Ирапского, когда начинается описание ситуации ухода святого в пустынь и когда заканчивается ее описание, образуют в тексте композиционную рамку, «маркируя» ситуацию, общую для обоих святых, постриженников одного монастыря⁶.

Часть повествования, которую мы рассматриваем, заканчивается рассказом о том, как святые обживают пустыни. Филипп создает церковь во имя Троицы, продолжая подвижническую жизнь в пустыни, а Кирилл создает церкви во имя Христова Воскресения и во имя Богородицы Одигитрии, и Воскресенский монастырь.

---

⁶ Как отмечает в комментариях к Житию Кирилла Новоезерского Т. Б. Карбасова, «Преподобный Корнилий Комельский охотно благословлял учеников на создание их собственных пустынь – согласно церковному преданию, среди его учеников восемь основателей монастырей, трое из них: Филипп Ирапский, Геннадий Костромской и Кирилл Новоезерский ушли в пустынь еще при жизни своего учителя» [БЛДР, 2005, с. 791 (коммент.)].

Несмотря на то что оба повествования имеют компилятивный характер, в них выявляется общий «трафарет» ситуации ухода старцев из монастыря в пустынь, составляя их, авторы решают разные задачи, создают разные образы святых. Т. Б. Карбасова отмечает, что автору Жития Кирилла удастся показать личный характер святости подвижника: «...беззлобием же украшен, милосерд же равно ко всем, наипаче же ко врагом, еже пакости ему творящим» [БЛДР, 2005, с. 790 (коммент.)]. Это прослеживается во всем сочинении, складываясь из деталей текста: например, в молитве, обращенной к Кириллу, повествователь просит, чтобы преподобный на том свете выступил защитником своей обители, уподобляя его Антонию и Феодосию Печерским⁷. Прославляя Кирилла, автор Жития делает акцент на том, что подвижник, создавший обитель на земле, сам – обитель Святого Духа:

Радуйся, преподобне, и богоблаженне, и богоносе отче наш Кириле, яко аггельскы на земли пожил еси, велми подвижася во временней жизни в молитвах... подобяся блаженному Антонию и Феодосию. И тако Богу угождая, тем обрел еси небесную лествицу, по ней же достигл еси горняго Иерусалима, честнаго ради жития твоего сосуд бысть Святому Духу, пришед бо Господь с Отцем, обитель в тебе сотвори... Тя молим, преподобне Кириле, призываючи на помощь, молебник буди Пречистей Богоматери, яко да ходатайствуеши о нас недостойных, Богом собранней дружине во святей обители сей, ей же ты началник и заступление буди, яко да мы, пребывающе на месте сем, не вредни пребудем от бесов (с. 378).

В Житии Филиппа Ирапского приходом старца в пустынь озаменовано ее начало (как в Житии Кирилла Белозерского с приходом святого начинается монастырь). Одним из источников Жития Филиппа Ирапского, как уже упоминалось, стала Записка инока Германа, пришедшего в пустынь к святому из Спасо-Каменного монастыря уже в конце его жизни. И, на наш взгляд, для составителя Жития (как и для инока Германа) документальная фиксация в житийном повествовании того, что известно о Филиппе, очень важна. Он вводит в текст фигуру самого Германа:

Во время же некое прииде ко блаженному Филиппу в пустыню инок зело искусен от области и предел вологодских, от монастыря всемилостиваго Спаса, еже есть на Кубенском озере, зовомо Каменной... Святый же вопрошает его: «Что ти есть имя?». Инок же отвеща ему: «Есть ми имя Герман»... (с. 196–197).

Далее в Житие вводится текст Записки, то, что говорится в ней, излагается от лица инока Германа:

---

⁷ Один известный эпизод Киево-Печерского патерика, когда Симон (варяг Шимон, принявший православие) просит святого Феодосия о заступничестве на том свете и об отпущении грехов – своих, всех в своем роду и братьев Печерского монастыря, поскольку варягу еще до знакомства с Феодосием было известно от Господа, что святой удостоился благодати: «Симон же рече: “От Господа свидетельствован еси, сам бо от пречистых уст святого его образа слышах о тебе, и сего ради молю ти ся: яко же о своих чрънцах, тако и о мне, грешнем, помолися, и о сыну моем Георгии, и до последних роду моего”». Святый же, яко обещася, рече: “Не о сих единех молю, но и о любящих место се святое мене ради”» [Древнерусские патерики, 1999, с. 9]. Второй эпизод, описанный в Слове об Онисифоре, когда смердящее тело согрешившего брата решают достать из пещеры и выбросить в воду. Святой Антоний, являясь блаженному Онисифору, духовному отцу согрешившего, сообщает о помиловании души этого брата: «Смили ми ся душа брата сего, понеже не могу преступити обета, иже к вам рех, яко положенный сде всяк помилован будет, аще и грешен будет. Не суть бо хужеши, иже сде со мною в Печере, бывших преж закона и в законе угодивших Богу. Молих бо Господа Бога, да ни един от сего манастиря осужден будет» [Там же, с. 23].

Святой же (Филипп. – Т. К.) нача ми поведати из уст своих, рече ми вся... Аз же от него слышах из уст его и написах памяти ради, чтобы незабытно такова святого и блаженнаго отца житие и великия его подвиги, молитвы же и пост, и воздержание (с. 197).

Так, введение в текст документального свидетельства служит, помимо чудес и видений, еще одним неоспоримым подтверждением воли Всевышнего, согласно которой была основана, с точки зрения автора памятника, Ирапская пустынь.

Итак, в Житиях Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского выявляется общая сюжетная схема, на основе которой построена ситуация ухода святых из монастыря в пустынь. Ее можно представить следующим образом: 1) желание святого уйти в пустынь, согласие на это настоятеля монастыря; 2) отсутствие возможности осуществить духовную потребность, так как святому неизвестно место, уготованное для него Господом; 3) видение святого; 4) промедление в исполнении повеления, данное высшими силами; 5) видение (чудо); 6) приход святого в пустынь; 7) видение; 8) поселение святого в указанном месте пустыни.

Текст рассказа о видении святого, схожий с рассказом из Жития Кирилла Белозерского, в повествованиях Житий Кирилла Новоезерского и Филиппа Ирапского находится в той же точке сюжета, что и в проанализированных нами ранее Житиях Кирилла Белозерского, Ферапонта Белозерского, Александра Свирского: во всех случаях данный рассказ включается в сюжеты, когда святые по разным причинам не могут осуществить свою потребность в безмолвии. Этот механизм на событийном уровне и позволяет авторам включать в свои сочинения схожий фрагмент.

Список литературы

- БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. Т. 13: XVI в.
Древнерусские патерики. М., 1999.
Карбасова Т. Б. Литературные источники Жития Кирилла Новоезерского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 8. С. 332–365.
Карбасова Т. Б. Редакции Жития Кирилла Новоезерского // Житие Кирилла Новоезерского: Текст и словоуказатель. СПб., 2003.
Ковалева Т. И. О сюжетном фрагменте из Жития Кирилла Белозерского в Житии Ферапонта Белозерского // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 4. С. 50–53.
Ковалева Т. И. Рассказ о видении св. Кирилла Белозерского в Житии Ферапонта Белозерского и Житии Александра Свирского // Чтение: рецепция и интерпретация. Гродно, 2011а. Ч. 2. С. 9–15.
Ковалева Т. И. Рассказ о видении св. Кирилла Белозерского в памятниках севернорусской агиографии: Житие Кирилла Белозерского и Житие Александра Свирского // «Свое» и «чужое» в культуре. Барнаул; Рубцовск, 2011б. С. 171–180.
Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996.
Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1994.
Рыжова Е. А. Сюжетный мотив «выбор места для основания монастыря с помощью чудесных знамений» в севернорусской агиографии («глас-свет») // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 422–440.
Федотова М. А. К вопросу о Житии Ефрема Перекомского // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 153–160.
Яхонтов И. Жития св. северно-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881.